

Яковлев. Я представляюсь: Яковлев Андрей Александрович. Слева от меня Олег Буклемишев, мой сопредседатель этого диспут-клуба. И сегодняшняя наша тема – это «Промышленная политика в российской черной металлургии». Я коротко поясню выбор данной темы.

События последнего года, связанные и с Украиной, и с санкциями, и с девальвацией, оказали довольно существенное влияние на развитие металлургии, которая после кризиса 2008-2009 года пребывала, насколько я знаю, в состоянии достаточно серьезной депрессии. И вот эта совокупность событий прошлого года довольно сильно поменяла ситуацию в отрасли. Собственно говоря, что мы хотели услышать сегодня от наших двух уважаемых диспутантов - взгляд на происходящее в секторе в контексте всех этих событий: конкуренция с Китаем, соответственно, конкуренция с украинскими металлургами и так далее - с точки зрения того, что происходит сегодня, и того, что можно ждать в дальнейшем.

И у нас первый докладчик – Игорь Анатольевич Буданов –ведущий российский специалист по этой отрасли, заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования. Он будет выступать первым, и у него будет некий более макроотраслевой взгляд.

А второй докладчик – это директор по стратегии компании «Евраз» Михаил Юрьевич Макаров, который, как я надеюсь, даст потом некий взгляд со стороны микроуровня на те вопросы и сюжеты, которые мы будем обсуждать.

В рассылке у нас был перечень более конкретных вопросов, на которые, видимо, наши сегодняшние докладчикиотреагируют в своих выступлениях. У нас стандартный регламент, то есть у каждого докладчика по 20 минут. Первым выступает Игорь Анатольевич, после чего у его контрагента, Михаила Юрьевича, будет время для двух коротких вопросов, и затем будут ответы на них. И затем у вас тоже будет 20 минут на выступление, потом – аналогично - вопросы со стороны первого докладчика. После чего будут вопросы из зала, которые мы традиционно собираем. И затем мы постараемся оставить вместе с Олегом время на дискуссию и комментарии из зала. Спасибо большое.

Буданов. Тема сформулирована была не мной, но мне она очень понравилась именно словом «**нужна**» для российской черной металлургии» (слайд 1). Своему партнеру оставляю возможность рассказать, какая она может быть с позиции компаний, а вот какая нужна, попробую рассказать сам.

Соответственно, самое первое, с чего мы начинаем - с текущей ситуации (слайд 2): Россия стремительно теряет свое место в мировом производстве металла. Подчеркну, что все предпосылки для развития имеются. Есть спрос, доходность, природные ресурсы, компетенции в области металлургического производства, исторические научные школы, то есть все, что, казалось бы, нужно. В причинах и последствиях негативной динамики необходимо разобраться. Дальше возникает два варианта: или мы пытаемся как-то стабилизироваться, или мы будем проваливаться дальше. Надежд на стабилизацию в рамках инерционного развития крайне мало, и без промышленной политики достичь успеха в металлургии будет невозможно.

И здесь второе слово – «**промышленная политика**». Она объективно выступает следствием ограниченности мер экономической политики в металлургии? Западные страны в 1980-е годы попытались провести систему регулирования развития металлургии на основе экономических механизмов. Достаточно красиво это все описано в книге Л.Н. Шевелева «Мировая черная металлургия: 1950-2000 гг.: реструктуризация, качество, приватизация». Ожидания, что после приватизации будет процветать металлургия Западной и Восточной Европы, не сбылись. Результаты мы знаем (слайд 3). Мы видим: металлургическое производство в мире как росло, так и продолжает расти высокими темпами. Есть успехи у металлургии США, которая неплохо развивается, но есть Россия (стагнация), и есть Европа (спад). В чем причины? В том, что и в странах Юго-Восточной Азии, и в Америке проводится достаточно жесткая промышленная политика. В России и в

Европе посчитали, что промышленная политика избыточна, и ограничились мерами экономического стимулирования.

Подчеркнем особенности металлургии, делающие ее зависимой от промышленной политики государства. Металлургический объект создается из расчета на 60-70 лет эксплуатации мощностей. Кто-то может оценить экономические потоки на такой период времени? Есть такой инструментарий? Объекты, которые создаются в течение десятилетий, начиная от подготовки месторождения, разработки проекта, реализации проекта, запуска. Кто может начинать проект, когда он понимает, что первый положительный денежный поток он обретет через десять лет? Соответственно, когда мы говорим о металлургии, любой крупный металлургический завод России – это градообразующее предприятие. Что, бизнес, для того чтобы организовать металлургическое производство, будет строить целый город? Ему что, больше делать нечего? И, соответственно, когда мы вспоминаем историю развития металлургии в России, с чего начиналась металлургия? С приписных деревень. Когда не просто добывали металл, а еще приписывали деревни для того, чтобы было кому добывать этот металл. Затраты по инфраструктуре являются одними из значимых и, соответственно, непосредственно связаны с принятием государственных решений.

Есть особенности ресурсного обеспечения производства, развития сырьевой базы. Я уже не говорю о том, что недра – это собственность государства, и эти недра, так или иначе, вовлекаются в эксплуатацию по воле государства. Когда мы рассматриваем проводимые в мире торги по тем или иным месторождениям, мы видим, что эти месторождения торгуются с оценочным вводом в эксплуатацию 2030-2035 год. Наличие длительного инвестиционного лага является объективным. Соответственно, решения, которые можно принимать, – это решения политические, решения в рамках промышленной политики: для чего вовлекать новые природные ресурсы в эксплуатацию.

Опять же достаточно банальная ситуация с оценками возможностей отечественного экономического механизма (слайд 4). В российской металлургии он работает достаточно успешно. Мы так и не смогли выйти на уровень использования производственного потенциала, который у нас был в конце 80-х годов, но ушли от ситуации 1990-х. Роль компании, роль частной инициативы состояла в том, чтобы обеспечить функционирование ранее созданного производства. И следующий вопрос, который возникает: насколько успешно это было сделано? Опять же подчеркну, что итоги развития металлургии показывают, что от тех спадов, которые были в 90-е, когда металлургия упала на 40%, мы, в общем-то, вернулись на достаточно нормальный уровень. Все угрозы, которые были связаны с тем, что вдруг мы исчерпаем ранее накопленную сырьевую базу, выработаем этот ресурс, что не будет обеспечен процесс поддержания мощностей, – все они не состоялись: бизнес достаточно успешно эти проблемы решил, потому что он действительно конкурентоспособен на рынке отечественных ресурсов.

Почему мы не смогли выйти на более высокий уровень производства металла? Наверное, из-за того, что подобная задача не ставилась и не проводилась промышленная политика. Промышленная политика связана не с обеспечением функционирования предприятия – это задача экономического механизма, задача бизнеса, промышленная политика – это политика создания предприятия. А кто создает предприятие? Создание предприятий – это те или иные проектные институты, это те или иные производители оборудования, организации, занимающиеся специализированным строительством. Они что, в России есть? Кто будет создавать новую российскую металлургию?

Реплика. Гипроцветмет.

Буданов. Гипроцветмет? Замечательно, но в лучшем случае он проектирует заводы цветной металлургии.

Следующая вещь, которая связана с падением доли России в мировом металлургическом производстве, состоит в оценке изменений ценности выпускаемой продукции. На слайде 2 была дана характеристика объемных показателей, то есть объем

производства стали в РФ в общем объеме. Это важно, но объемы выпуска металлов уже не отражают роль металлургии в развитии экономики. Важен не просто объем того или иного количества металлопродукции, а полезность, ценность данного объема. Это отражают цены на металл (слайд 5). Россия, Украина отстает от большинства стран в 2-3 раза. Важно понять, почему мы не смогли повторить путь, который был проделан ЮАР, Китаем и другими странами, по наращиванию добавленной стоимости?

На вопрос, почему мы отстаем, можно найти разные ответы. Мне больше нравится самый простой. Это не выгодно бизнесу: переход в средний ценовой уровень – это затраты инвестиций, переход в высший ценовой уровень – это не просто затраты инвестиций, это новые решения – то, что принято называть инновациями. То есть если в первом случае мы сталкиваемся с необходимостью инвестиционных затрат, то во втором случае мы связаны с проблемой наращивания нематериального или человеческого капитала, и, соответственно, решить и первую, и вторую задачу достаточно сложно. Опять же подчеркну: промышленная политика – это политика развития, это политика инвестиционной деятельности, наращивания капитала, а не просто зарабатывания прибыли.

Выбор приоритетов промышленной политики во многом зависит от ответа на простой вопрос: инвестиционные вложения – это затраты или результат? Я покупаю квартиру, я покупаю доллары – я считаю, что я осуществляю процесс накопления капитала. Я строю завод – это затраты. А зачем же я пойду на затраты? Бизнес призван создавать предприятие, это продукт, как и любой другой. Зачем же я буду создавать продукт, который ничего не стоит? И действительно, эта проблема опять же связана с проведением промышленной политики, то есть поиском тех механизмов, при которых бизнес будет создавать продукт, и этот продукт будет ценен.

К сожалению, отставание в уровне полезности экспортируемой из РФ металлопродукции накапливается (слайд 6). То есть мы уступаем позиции на мировом рынке по готовому прокату, при этом превращаемся в производителя полуфабрикатов, то есть в производителя чугуна и заготовок. Мир отказывается от этого сегмента рынка, потому что знает, как можно дальше эффективно использовать базовый продукт. А разве мы не знаем? В чем мне видится проблема - в соотношении инвестиционных затрат на производство и потребление продукта. Создать продукт и использовать продукт – что дороже? Создать буровую и добыть тонну нефти - это одни инвестиции, а произвести из нее нефтепродукты, создать сети бензоколонок, накопить парк автомобилей - это принципиально иной объем инвестиционных вложений. Аналогично, построить металлургический комбинат и найти потребителей на этот металл. Чтобы потребить одну тонну металла, надо в десять раз больше инвестиций, чем то, чтобы произвести эту тонну металла.

Попытка дальнейшего развития с ориентацией на экспорт, к сожалению, представляется малореалистичной (слайд 7). Мы видим, что происходит снижение роли внешнеторговых связей в реализации металлопродукции. Конкуренция приобретает системный характер (слайд 8): торгуют на мировом рынке не самим металлом, а изделиями, изготовленными из металла, и объемы реализации изделий из металла (по массе, а не только по стоимости) уже превышают объемы экспорта проката.

Ситуацию на российском рынке металлопродукции необходимо оценивать на основе анализа всей системы удовлетворения потребностей экономики в металле (слайд 9). В рамках действующей цепочки накопления стоимости мы отправляем сырьевые ресурсы за рубеж, дальше покупаем за рубежом выпускаемую из этих ресурсов продукцию, оставляя за рубежом добавленную стоимость. Если в 2000 году мы имели положительное сальдо по внешней торговле, связанной с металлом и металлопродукцией, теперь мы имеем отрицательное. Вопрос: почему спрос объемом более 160 миллиардов долларов удовлетворяется по импорту и не интересен отечественному металлургическому бизнесу? Почему мы не можем произвести товары из металла на эту сумму?

И здесь следующий момент, связанный с промышленной политикой: должна ли она подменять экономическую политику? Экономический механизм, который функционирует, не смог решить две элементарные задачки. Первая задачка – наращивание стоимости экспортируемого металла, вторая задачка – удовлетворение внутреннего спроса. Если они не решаются, что делает государство? Государство начинает провозглашать политику импортозамещения, требует локализации, принимает программы. Конечно, есть претензии к экономическому механизму, если он не может решить задачу удовлетворения внутреннего спроса при наличии ресурсов, при наличии компетенций. Но почему вдруг задачка из чисто экономической – удовлетворение спроса – переходит в политическую и, в конце концов, в задачу промышленной политики? С нашей точки зрения, промышленная политика должна решать принципиально иные задачи. В данном случае надо обеспечить совершенствование экономического механизма, который успешно решает подобные проблемы во всем мире. Показателен опыт Кореи, Китая, которые организовывали систему оборота металла с привлечением импорта, наладили производство продукции углубленной переработки. У России есть отечественные ресурсы, производства, необходимые для обработки металла, но почему-то они оказываются невостребованными. Может, потому, что это и не нужно, когда можно эффективно функционировать на основе экспорта базовых материалов при поддержке действующего экономического механизма.

Достаточно распространенным является миф, что мы не производим высокотехнологичную металлопродукцию, потому что отечественному потребителю она не нужна, что наш потребитель не покупает дорогой металл. Мы не производим дорогой металл, а наш потребитель как раз покупает дорогой металл, и с каждым годом покупает все дороже и дороже, потому что потребитель действительно ориентирован на достаточно качественный продукт, и этот продукт он предпочитает покупать за рубежом (слайд 10). Этот продукт может быть как в виде металла (напомню, по стоимости импорт металла у нас увеличился с 2000 года в десять раз) или в виде готовой металлосодержащей продукции (опять же напомню: 13 миллионов тонн – это фактически тот объем, который в настоящее время перерабатывается в российском машиностроении и строительстве). Считайте, что в рамках развития системы оборота металла в РФ, на основе уже производимых в стране ресурсов можно значительно увеличить объемы производства нужной экономики продукции (под уже сложившийся спрос). Потенциально можно увеличить в два с половиной раза объем машиностроительного производства, увеличить производство в металлургии в полтора раза. Научимся эффективно использовать металл, возникнет потребность и в дополнительном увеличении добычи ресурсов, создания новых металлургических центров. Мы говорим, что некуда расти? Потребитель растет и показывает, что требования к качеству для него являются значимыми.

Сама металлургия является примером новых требований к качеству потребляемой машиностроительной продукции. Можно сравнить показатели 2000 года и 2009 года (можно было привести другие данные) (слайд 11). Ранее мы импортировали сталеплавильное оборудование из низшей ценовой группы, а в 2009 году из самой высокой ценовой группы. Металлургам плохое оборудование уже не продадите, как и в других секторах экономики. Отечественные металлурги покупают лучшее, что есть в мире, и это новый стандарт качества для отечественного машиностроения. Для того чтобы произвести это лучшее в мире, отечественному машиностроению необходимо как минимум обогнать Турцию, Китай по качеству выпускаемого оборудования и выйти на уровень немецких, итальянских компаний. И вот это задачка действительно промышленной политики – как создать отрасль, обеспечивающую металлургию реальными инвестиционными ресурсами. Денег у металлургов вполне хватает, но вопрос как раз не в деньгах, а в том, что эти деньги чем-то надо наполнять. Если наполнять нечем, идет инвестиционная активность за рубеж, то есть там, где есть эти инвестиционные ресурсы и, соответственно, возможности для эффективного использования капитала.

Обобщая вышесказанное (слайд 12), подчеркнем значение углубленной переработки металла для экономики России. Посмотрите, как растет металлоемкость валового внутреннего продукта России. Насколько страна все больше и больше зависит от металлургии, от производства металла, и производства металла качественного. К сожалению, не от отечественного, а от импортного. На слайде представлено два графика. Первый график – по видимому потреблению стали (отечественное производство с учетом внешнеторгового сальдо): это всего лишь прирост 7%; когда мы переходим по полному кругу потребления конечной металлопродукции (с учетом внешнеторгового сальдо по всем товарам, входящим в систему оборота металла), это прирост 40%.

Какие барьеры существуют? Экономические барьеры для развития, в общем-то, достаточно понятные: я не буду производить то, что мне невыгодно. Невыгодно по сравнению с металлом производить оборудование, невыгодно по сравнению с металлом производить те или иные строительные работы (слайд 13). И, соответственно, кто же будет идти в невыгодную сферу развития? Даже на первом шаге, когда мы говорим о производстве самого металла и производстве изделий из металла, мы сталкиваемся с достаточно жестким барьером доходности (слайд 14). Устранить этот барьер без инвестиционных вложений в переработку и обработку металла, без помощи государства невозможно, и, соответственно, это одна из задач промышленной политики.

Какие ресурсы необходимы? В общем-то, ресурсы, связанные с расширением рыночного пространства, ресурсы, связанные с горизонтом принятия решений, и ресурсы, связанные с углублением переработки металла (слайд 15). Все эти ресурсы, так или иначе, завязаны на систему принятия государственных решений. Государственные решения в отношении горизонтов были изложены опять же в документе, называемом «Стратегия развития черной металлургии». Привожу цитату: «Планы реализации предприятиями отрасли основных инвестиционных проектов разработаны, к сожалению, только до 2020 года. В связи с имеющейся высокой долговой нагрузкой компании не прогнозируют реализацию инвестиционных проектов на долгосрочную перспективу». Напомню: стратегия разработана до 2030 года.

В чем нюанс? Стратегия в сегодняшнем виде – это то, что делают компании, и обобщение этого: это не то, что нужно государству, это то, что нужно компаниям. Соответственно, компании не получают от государства деньги на реализацию промышленной политики. Но если вы не платите, вы и не получаете соответствующего результата развития. Подчеркну, что не самое главное, что нет этой политики, самое главное, что нарастают угрозы, и угрозы связаны с переходом от ценовой конкуренции к стратегической конкуренции на рынке конструкционных материалов. То есть возрастают требования к эксплуатационным характеристикам, и это современные технологии обеспечивают, когда у вас металл может служить в 10-20 раз больше времени, изготовленные из него изделия не требуют ремонта, когда у вас в 2-3 раза возрастают прочностные характеристики, но для того, чтобы этот металл в России был, его сначала кто-то должен произвести, а для этого изготовить оборудование, построить мощности, а до этого подготовить проект, создать технологию, и это одна из центральных вещей, которая требуется в промышленной политике для российской черной металлургии.

Я извиняюсь, несколько перебрал.

Яковлев. Нет, все нормально. Все как раз идеально. Спасибо большое.

Буклемишев. Два вопроса.

Макаров. Коллеги, добрый день. Игорь Анатольевич, очень интересная презентация и вообще очень интересное видение. Я вот сидел и смотрел на реакцию аудитории. Честно, если бы я был студентом, я бы, наверное, послушав доклад, не захотел идти в отрасль работать, если честно.

Буданов. Почему?! Я бы сказал, что в отрасли все хорошо, в отрасли плохо с промышленной политикой, а с финансово-экономическим состоянием, как минимум лучше, чем в стране в целом или у зарубежных конкурентов.

Макаров. У меня вопрос, наверное, первый. В своей презентации первые несколько слайдов вы давали характеристику российской металлургии и ее месту в мире и оперировали, в общем-то, объемами. Не кажется ли вам, что место российской металлургии правильно формулировать в рамках прибыльности, рентабельности предприятий? Потому что и мы, и другие компании (в принципе, они у нас более-менее друг на друга похожи – и российские, и зарубежные) в первую очередь своей целью ставят норму рентабельности, прибыльности, и у нас нет самоцели производить на 10, 20, 100 миллионов тонн стали больше. Более того, как мы знаем, Россия профицитна по своим мощностям в производстве стали, и у нас спрос на сталь меньше, чем есть мощностей – наоборот, остро стоит вопрос о сокращении производства, не кажется ли вам, что в терминах прибыльности и рентабельности было бы правильно формулировать и оценивать показатель места России в мире?

Буданов. Попытаюсь коротко. Во-первых, когда промышленная политика проводится – когда плохо или когда хорошо? Промышленная политика проводится, когда плохо, и это мировая практика перестройки бизнеса в новых направлениях, привлечения ресурсов государства. Когда хорошо, ничего не проводится. Пример 2000-х годов показателен в данном отношении. Показатели издержек производства, рентабельности продаж российской металлургии – лучшие в мире, зачем же вкладываться в инновации. Если проводить аналогию с рынком нефти, – та же самая Саудовская Аравия, – то есть мы можем задавить в ценовой конкуренции любого. Зачем бизнесу рисковать в поиске новых направлений развития?

К бизнесу у меня никаких претензий нет, он играет по установленным правилам. У меня претензии к государству, которое установило эти правила, и которое не в полной мере понимает, зачем России нужен металл и металлургия. Бизнесу дали возможность поддерживать функционирование ранее созданного производственного аппарата. Бизнес и функционирует, поддерживает конкурентоспособность отечественной металлургии. Причем модернизация проходит, как вы видели, по самым лучшим мировым стандартам: и объекты белой металлургии строятся, и литейно-прокатные модули строятся, оцинковка – было 4 установки, сейчас 56. Бизнес делает все абсолютно правильно, привлекая иностранный инвестиционный потенциал к реализации апробированных эффективных решений. Проблемы возникают, когда государству требуется современная металлопродукция для реализации тех или иных проектов. В Сочи, во Владивостоке, в оборонке, а металла нет, не из чего делать, и не всегда можно купить за рубежом. До сих пор актуальны вопросы качества. Когда замечательные лопасти у вертолетов осыпаются, пока их везут до потребителя. Почему? Потому, что не учли климатические особенности, не нанесли защитное покрытие на композит. Обрушение зданий, протечки труб есть следствие отсутствия требований государства к бизнесу и помощи в выполнении данных требований в рамках промышленной политики. Еще раз подчеркну, что экономическое благополучие компаний – это не стимул к развитию, а дополнительное ограничение для проведения промышленной политики.

Макаров. Спасибо большое. У меня еще такой вопрос. Звучала мысль: когда есть выбор производства так называемой продукции с высокой добавленной стоимостью и продукции полуфабрикатов (как мы их называем – commodities), продукции с меньшей добавленной стоимостью, Россия должна делать выбор в сторону продукции с большей добавленной стоимостью. Действительно, на ваш взгляд, это так. Небольшое рассуждение: смотрите, у России есть несколько конкурентных преимуществ, хотим мы того или нет. И одно из конкурентных преимуществ, наверное, фундаментальное с точки зрения металлургии, – это наличие ресурсов для производства металла. То есть мы, в принципе, страна с избыточным количеством и угля коксующегося, и железной руды. И в этом смысле нет ничего зазорного, если страна пользуется этим наличием и производит продукцию с низкой добавленной стоимостью, понимая опять-таки, что, если нас сравнивать с другими нашими конкурентами в той же Европе (с австрийцами, с немцами), что мы проигрываем

конкуренцию не потому, что у нас какое-то оборудование недоинвестированное или недостаточно модернизированное. Если вы посмотрите на все наши предприятия, на Липецк, на Череповец, на наш Тагил, например, и пройдете по цепочке создания стоимости, то эти заводы достаточно уникальные, потому что они оснащены по последним законам металлургии, которые есть: там непрерывная разливка, есть полимеры, есть станы-5000. То есть если посмотреть, сравнить американскую металлургию и российскую, понятно, что мы точно можем производить такую продукцию, которая американцам даже и не снилась.

И в этом смысле – я возвращаюсь к вопросу про конкурентоспособность – мы можем производить продукцию с высокой добавленной стоимостью, но, к сожалению, специфика бизнеса, производства и продаж продукции с высокой добавленной стоимостью требует локализации. Мы не можем, например, в Европу на завод «БМВ» поставить продукцию какую-то с полимерным покрытием из того же Череповца, потому что она людям нужна вчера, несмотря на то, что у нас качество может быть просто волшебное. Поэтому у меня тезис такой: нет ничего плохого в том, что Россия пользуется своим конкурентным преимуществом, экспортируя *commodities* и, в принципе, являясь опять-таки наиболее, наверное, рентабельной сейчас отраслью среди всех металлургов в мире. Понятно, что нам помогает еще и рубль, в сегодняшней ситуации.

Яковлев. А все-таки в чем вопрос? Вы сейчас уже перешли к комментариям.

Буданов. Вопрос я понял. Существующая ситуация, когда мы действительно лучше всех в мире производим чугун, дешевле всех в мире производим заготовку. Это действительно факт. И что же в этом плохого? Проблема в том, что на стадии производства и реализации металла его экономическая жизнь не заканчивается, как и деятельность компании. Вы зарабатываете, получаете деньги и вкладываете в зарубежные активы по переработке заготовки, все нормально, но стране нужны изделия из металла, как-то надо обеспечивать работой и остальное население, а не только тех, кто сейчас работает на Новолипецком, на Осколе и на других металлургических предприятиях. Проблема в том, что надо в стране создавать металлургические производства, которые позволяют перерабатывать то, что вы выпускаете, в конкурентоспособные на отечественном и мировом рынках продукты. Существующая потребность в металлообрабатывающих производствах, исходя из мирового опыта, оценивается не единицами, а тысячами, но это несколько иной бизнес, который действующим в отечественной металлургии игрокам не интересен.

Мне, в общем, достаточно приятно смотреть, когда отечественные разработки в данной области используются за рубежом. Например, по термодиффузионному покрытию используются на «Мерседесе». Классно, это лучший металл с покрытием на сегодняшний момент в мире. Мы продолжаем развивать горячее оцинкование по проектам, которые в ЕС были реализованы еще 20 лет назад. Горячая оцинковка и термодиффузионная оцинковка – это принципиально разные вещи. Наша научная разработка. Мне просто хочется, чтобы мы этот металл производили и обрабатывали в РФ, а не закупали почему-то в виде автомобиля в Германии, говоря о качестве материала. Почему нельзя сделать это здесь? Есть ресурсная база, есть научный потенциал, которые надо использовать для развития экономики в России. Тем более что потенциал огромный. На тех же ресурсах мы можем в пять раз увеличить величину добавленной стоимости. Что в этом плохого?

Яковлев. Хорошо. Спасибо большое. Ваши 20 минут.

Макаров. Спасибо. У меня, к сожалению, нет презентационных материалов, и я, наверное, с позволения аудитории пройду по вопросам и буду давать короткие реплики, если можно.

Какова роль государства в регулировании металлургической отрасли? Если говорить в целом, то основная роль государства – это обеспечение, что называется, здоровой среды. Когда я говорю «здоровой», это той среды, при которой, например, такая компания, как «Дженерал Моторс», не уезжает из России и не сворачивает свое производство. То есть это среда, прежде всего, для обеспечения, может быть, не самих металлургов, а тех мощностей,

которые, в конечном счете, потребляют сталь. То же самое мы можем говорить и про строительные бизнесы, и про ипотечные кредиты, и так далее и так далее.

Второй большой кусок, который должно обеспечивать государство, – это инвестиции в инфраструктуру. Понятно, что инфраструктура – это ключевой двигатель металлопотребления, а, в принципе, поддержание и модернизация инфраструктуры – это, что называется, государственная задача.

Еще стоит сказать, наверное, про кадры, причем про кадры в двух плоскостях. Это то, что, действительно, нам всем сейчас, металлургам, не хватает квалифицированных кадров, которые, к сожалению, после 1992 года у нас как-то потерялась наследственность с точки зрения научной базы, и технологии ушли вперед. Есть проблема переквалификации (можно потом отдельно поговорить). Понятно, что Россия – это страна с производством стали, которой больше, чем ей нужно внутри страны, причем она будет оставаться экспортером стали, и здесь, к сожалению, мы просто должны признать, что какие-то моногорода и какие-то производства в моногородах; чем раньше мы их закроем, тем, наверное, будет лучше для всех. Потому что однозначно поддерживать неэффективное производство – это как вместо того, чтобы сделать операцию, просто мы живем с той опухолью, которая прогрессирует.

И последняя задача. Ключевая роль государства – это снижение административных барьеров. По своей деятельности, помимо того, что я занимаюсь стратегией в такой компании, как «Евраз», я еще являюсь управляющим директором в компании «Тимир» – это гринфилд, который сейчас «Евраз» совместно с «Алросой» строит в Южной Якутии. Так получается, мы сейчас прошли год на разработку проекта, я даже не представлял, что есть такие государственные органы, через которые нужно пройти, чтобы получить какие-то абсолютно формальные разрешения, которые никакого отношения к бизнесу, к сути, к улучшению самого проекта абсолютно не имеют. То есть административные барьеры и та бюрократия, которая сейчас есть – это большая проблема.

Второй вопрос: перспективно ли производство в России металлопродукции с высокой добавленной стоимостью? Мы сейчас немного уже с Игорем Анатольевичем подискутировали на эту тему. Я скажу, что у нас есть хороший пример. Мы как «Евраз» являемся единственным пока производителем в России рельс. И эволюция наших отношений с такой компанией, как «Российские Железные Дороги», говорит нам о том, что в России абсолютно спокойно можно построить стан, сделать его настолько современным и производить продукцию 100-метровых рельс, высокопрочных, термообработанных – таких, чтобы заставить наши уважаемые «РЖД» полностью (я подчеркиваю, полностью) в 2015 году заместить импорт из таких передовых стран, в том числе по производству продукции с высокой добавленной стоимостью, как Япония и Австрия. Мы это сделали, и вот хороший пример того, что чудеса в России также происходят.

Оправдана ли инвестиционная активность российских металлургических компаний за пределами России? Хороший вопрос. В первую очередь мы знаем, что российская металлургия в тот период китайского суперцикла, который мы наблюдали с конца 90-х по, наверное, 2012-2013 годы, неплохо себя чувствовала. И помимо того, что она существенно модернизировала собственное производство в Российской Федерации, практически – и компания «Мечел», и «Северсталь», и Новолипецкий металлургический комбинат, и «Евраз», и Магнитогорский металлургический завод – практически все занимались тем, что приобретали активы за рубежом. Понятно, что финансовые возможности просто позволяли. Отчасти это было связано с тем, что мы просто диверсифицировали свой портфель. Тут логика, например, с точки зрения «Евраз» была абсолютно прозрачна: мы могли производить продукцию, как мы здесь называем, с низкой добавленной стоимостью (это сляб, или полуфабрикат), относительно дешево производить здесь, в России, пользуясь тем, что у нас есть источники сырья; после чего, минуя пошлины и прочие заградительные барьеры, перевозить ее на собственные мощности на наши американские и европейские

заводы, где уже локально производить продукцию с высокой добавленной стоимостью, и тем самым получалась такая некая синергия. Это один из примеров.

Поэтому активность оправдана. Понятно, что все эти приобретения покупались на пике цен, и понятно, что в большинстве случаев российские металлурги просто переплачивали за те активы, которые они приобретали. Была вера у некоторых компаний в то, что ты можешь купить относительно недоинвестированный актив и с учетом собственного опыта сделать из него что-то и его так модернизировать, чтобы потом он зарабатывал деньги. Но, к сожалению, такой истории у российских металлургов не получилось, то есть в итоге выиграла те, по крайней мере остались те, кто инвестировал в здоровый, хорошо технологически оснащенный актив.

Какие административные барьеры существуют в металлургической отрасли и какие из них могут быть сняты? Я уже рассказывал про компанию «Тимир». Барьеров много, и в этом смысле никуда за примерами ходить не нужно. Предприятие строит новую доменную печь, приходят какие-то, назовем их, пожарные организации и говорят, что нужно построить дополнительный лифт, и так далее и так далее. Это большой вопрос, просто потому что у нас очень много в России, к сожалению, контролирующих либо фискальных органов, которые что-то проверяют и которым нужно писать регулярные отчеты.

Какие ресурсы сегодня необходимы для проведения эффективной промышленной политики в отрасли? Отчасти это мой ответ на предыдущий вопрос. Понятно, что есть барьеры. Ресурсы еще, наверное, финансовые. Потому что сейчас мы понимаем, что в текущий момент у нас большая проблема с финансированием в России. То есть те деньги, которые мы могли бы брать на Западе, сейчас взять тяжело, потому что очень много санкций, которые действуют, а те деньги, которые предлагают сейчас государственные банки (или квазигосударственные банки) - процентная ставка такая запредельная, что, в принципе, любой проект, который мы гипотетически делали бы за ту процентную ставку, точно будет убыточным.

Что делать с неконкурентоспособными металлургическими мощностями, особенно в моногородах? Как я уже сказал, к сожалению, нужно просто признать, что есть такая проблема, и управлять ожиданиями, и работать над – опять-таки это и государственная политика в том числе – над перепрофилированием, переобучением, перевозом людей, просто перераспределением людей в другие города. Но главное, чтобы принять как данность то, что у нас очень много моногородов с предприятиями, которые мы называем «заводы-призраки». Недавно был в городе Златоусте, где было, и сейчас есть в принципе, металлургическое производство, на которое просто без слез не взглянешь, и понимаешь, что в советское время при том оборонном комплексе, который был, действительно продукция была востребована, а сейчас абсолютно нет. И с учетом тех объемов, которые может производить предприятие, той экономии на масштабе, той доли фиксированных затрат, которые есть в нашей отрасли, мы понимаем, что предприятие такого типа уже никогда не станет зарабатывать какие-либо деньги.

Тут еще у меня были тезисы информации к размышлению - я, наверное, по ним кратко пройдуся.

Какие факторы определяют нынешнее положение металлургической отрасли в России? Неэффективность «РЖД» – один из основных факторов, снижающих конкурентоспособность российской черной металлургии. Это действительно так. Как я говорил, у нас с «РЖД» особая история. Мы такой монополист для них по поставкам рельс, с другой стороны, мы – крупнейший грузоотправитель и внутри России, и продукции на экспорт: мы экспортируем и уголь, и металл, и полуфабрикаты, и продукцию в готовом виде. Тот же «Тимир» – это предприятие, которое расположено в Южной Якутии и гипотетически руду с которого можно возить с востока на запад. Мы просим у «РЖД» специальные тарифы либо какую-то субсидию с учетом того, что есть порожние вагоны, и, в принципе, БАМ и Транссиб с востока на запад не загружен, и они нам все равно отказывают. Когда мы спрашиваем их про их себестоимость, они качают головой и очень

сильно удивляются. То есть «РЖД» как предприятие не знает своей себестоимости, и вместо того, чтобы заниматься какой-то оптимизацией бизнес-процессов, чем они просто перекалывают рост издержек на потребителя, просто индексируют тарифы ежегодно. То есть если мы посмотрим на ту динамику, которая есть с 2000 года по 2012-й, цены на сталь выросли в 2 раза, железнодорожный тариф вырос в 5 раз, энергетика выросла в 5 раз, а цены на газ выросли в 10 раз. Вот, что называется, тебе и государственная политика.

В России нет развитого машиностроения, которому нужны продукты высокого металлургического передела. Хороший тезис. И действительно, здесь можно долго обсуждать: давайте производить больше продукции с высокой добавленной стоимостью. Но, как я уже сказал: если нет под нее локального рынка, в принципе, такое производство нецелесообразно. Как я опять-таки сказал, если ты производишь суперлист с покрытием и отправляешь его на автомобильные заводы либо просто на машиностроительные в Европу, он неконкурентен не по качеству, а по совокупности причин. Поэтому это большой-большой вопрос объемов этой продукции с высокой добавленной стоимостью и целесообразности их увеличения в Российской Федерации. То есть пока нет видимого спроса, об этом даже не стоит думать. С другой стороны, у нас есть вот эти опыты, когда предприятия металлургические, например, вот в какой-то момент решают независимо построить три стана-5000 с разницей в 2-3 года. Что мы имеем на выходе? Мы поставили оборудование, производим продукцию с высокой добавленной стоимостью, но уровень загрузки их не превышает 30%. Понятно, что экономика этого стана себя не оправдывает.

В России дороже построить завод, чем в США, из-за устаревших стандартов. Это действительно так. Если мы посмотрим на все составляющие, которые нужны для строительства завода, едва ли мы найдем что-то, что в России сейчас стоит дешевле. То есть если мы говорим про зарплату, если мы говорим про электроэнергию, которая в США дешевле, если мы говорим про цены на газ, которые там дешевле, я уже не говорю про те административные барьеры, которые здесь есть и нет там, налоговую базу - и мы понимаем, что это точно сопоставимые деньги.

В долгосрочной перспективе самое правильное решение – это закрытие нерентабельных мощностей. Я уже об этом говорил, поэтому, не буду на этом останавливаться. Пока в России есть избыточные мощности, а тем более нерентабельные, нужно просто признать эту проблему и над ней работать, потому что это точно не решение одного дня.

Это все. Я думал, что у меня еще какие-то есть тезисы. Тогда спасибо большое, я с удовольствием отвечу на вопросы.

Яковлев. Хорошо. Вопросы?

Буданов. Ну, первый вопрос тут напрашивается. Государство делает стратегию на основе планов корпораций, а промышленная политика у «Евраз» есть?

Макаров. Ну, мы любим тезисами кидаться. Давайте тогда определимся, что мы подразумеваем под промышленной политикой. Если мы говорим про какие-то социальные аспекты...

Буданов. Нет-нет-нет! Именно компетенции по производству в промышленной политике. Когда наши металлурги пошли на Запад, они сказали: мы не покупаем заводы, мы получаем при покупке заводов доступ к новым знаниям. Все понятно. Вот получили доступ к новым знаниям? Теперь есть компетенции, которые можно использовать для реализации в российской экономике. Но напоминаю: крупнейшие компании Запада тратят на инвестиции и на инновации приблизительно одинаковые суммы денег. Для того чтобы производить действия в области промышленной политики, надо ли Вам поднимать затраты на инновации?

Макаров. Зачем?

Буданов. У вас есть, куда вкладывать?

Макаров. Я не очень понимаю, зачем?

Яковлев. Коллеги, все-таки давайте сейчас чуть-чуть по регламенту.

Буклемишев. Вопрос задавайте.

Буданов. Чтобы промышленную политику проводить.

Яковлев. Вопрос был про то, есть ли промышленная политика.

Буданов. Да.

Яковлев. Насколько я понимаю, все-таки промышленная политика – это то, что делает государство. А компания промышленную политику не проводит.

Буданов. Ну, у нас по факту доверили компаниям.

Яковлев. Тогда просто на этом остановимся, что, так сказать, государство пошло вслед за компаниями и идет, так сказать, вот в русле реализации хотелок. Хорошо. Второй вопрос тогда.

Буданов. Второй вопрос тоже, в общем-то, достаточно банальный. Когда мы говорим о тех или иных мерах промышленной политики, возникают определенные противоречия между текущей экономикой процесса и долгосрочными эффектами. В качестве примера приведу Китай. В 1990-е годы приезжают американцы на китайский завод, говорят: «Ребята, у вас около печи 5 человек работает, а 20 сидят. Вы же совершенно неэффективно развиваетесь». Потом оказывается, что если в 5 раз увеличить производство стали в стране, то, оказывается, эти сидевшие люди очень дажегодились. То есть абсолютно экономически бессмысленное поведение на первом шаге, с другой стороны, оборачивается проведением действительно осознанной промышленной политики. И теперь у меня вопрос возникает: каким-то образом отечественные корпорации решают вопросы будущего, развивают систему подготовки кадров, осуществляют деятельность, связанную не «взять из внешней среды», а «сделать самим», вне связи с непосредственным извлечением прибыли? То есть, я не знаю, корпоративное образование, корпоративный университет?

Макаров. Я еще помимо прочего являюсь членом такой организации – некоммерческого партнерства «Русская сталь». Конечно, мы многое потеряли: разрыв, который был, и сама отрасль стала не такой привлекательной, как она была раньше. И понятно, что и люди, которые сейчас есть у нас и в Нижнем Тагиле, и в Западной Сибири, все меньше и меньше хотят работать на заводах. И это говорит о том, что нам всем нужно просто работать над повышением привлекательности отрасли, платить людям достойную зарплату, делать свои университеты, которыми мы, в принципе, отчасти занимаемся.

Я отвечаю на вопрос: да. Мы понимаем, что на самом деле это и наша проблема тоже. Понятно, что это не государство должно подготовить тысячу или десятки тысяч новых сотрудников, которые могли бы работать на современном оборудовании.

У меня быстрая ремарка по поводу тех китайских рабочих. К сожалению, мы сейчас в Китае имеем такую ситуацию, что построено очень много мощностей, рабочие действительно в нулевые годы были загружены и на создании этих самых мощностей, и сейчас как-то на них трудятся. Другой вопрос, что выясняется, что в Китае в ближайшие десять лет столько мощностей не нужно, и в этом смысле это тоже грустная история, говорящая о том, что они будут проводить, к сожалению, точно такую же политику, которую будем делать мы, – думать над закрытием малоэффективных, нерентабельных производств. Потому что там эффект намного больше, чем в России. То есть если мы говорим, в России нам нужно закрыть порядка 10-20 миллионов тонн мощностей, в Китае это исчисляется сотнями миллионов, поэтому там эффект бедствия будет большим. Опять-таки речь о том, что много объемов не есть хорошо, главное, чтобы под эти объемы был спрос, и само производство было рентабельным.

Яковлев. Хорошо, спасибо. Тогда сейчас мы переходим к вопросам из зала. У меня просьба: сейчас на уровне первого раунда поднять руки, кто хотел бы задать вопросы, чтобы мы видели. Шесть. Хорошо. Вы представляйтесь и по одному вопросу, и опять же – к кому вопрос.

Норкин. Норкин, Институт проблем управления. Вопрос к Игорю Анатольевичу. Вы очень правильно говорили об удовлетворении спроса. А почему вы не сказали о

стимулировании платежеспособного спроса на металл внутри? Потому что если бы у нас был спрос на металл внутри большой, то никто бы не стал, не смог бы, даже если бы хотел, импортировать.

И вопрос к Михаилу Юрьевичу. Вы говорите: закрытие нерентабельных предприятий. А не кажется ли вам, что нерентабельные предприятия у нас получаются только потому, что у нас есть два источника, благодаря которым люди становятся богатыми без всякого производства. А именно: один источник – это (мы с Дмитрием Семеновичем это очень много обсуждали) присвоение скрытой части ресурсной ренты, и второй – это проедание недобросовестное амортизационных отчислений. Эти два источника дают такие доходы, что все другие предприятия – нерентабельные. Вот поэтому не нужно ли сначала вот этот источник пресечь, а потом уже думать, что закрывать.

Яковлев. Хорошо, спасибо. Кто был следующий? Да, пожалуйста. Тоже представляйтесь.

Горюнов. Горюнов, Институт экономической политики. По одному вопросу. Первый вопрос Игорю Анатольевичу. Вы говорили про промышленную политику: вы тезисно можете перечислить, что, на ваш взгляд, нужно делать? Потому что Михаил перечислил, он сказал: инфраструктура, административные барьеры, кадры, – это, хотя довольно общие, но все-таки очень понятные направления промышленной политики. Вот хотелось бы что-то подобное от вас услышать.

Вопрос к Михаилу следующий. Вы сказали, что нет спроса внутри страны на продукцию с высокой добавленной стоимостью. Так почему же тогда не экспортировать? В чем проблема? Его вообще глобально нет, или его нет в России? Но если его нет в России, и есть экспорт, то замечательно, можно же деньги зарабатывать хорошие. Вот все, спасибо.

Грищенко. Здравствуйте. Андрей Грищенко, ЦМАКП при Институте народнохозяйственного прогнозирования. Вопрос такой. Я услышал про низкую добавленную стоимость, про высокую, а вот есть еще такой сегмент – что-то между ними. Вы говорили про полюса, а, допустим, есть просто всякие винтики, болтики – вот такую продукцию мы тоже импортируем. Вот к обоим докладчикам: что вы можете сказать на эту тему? Спасибо.

Сальников. Владимир Сальников, та же организация, что и Андрей. У меня вопрос к Михаилу. Вопрос такого плана. Я слышал много слов о том, что должно государство. Оно действительно много должно, так сказать, и то, и это, и пятое, и десятое. Мне интересно в этом контексте, что должен все-таки «Евраз» в данном случае? То есть что должна частная компания? Как пример я скажу: может быть, они должны развивать внутренний рынок, в том числе сдерживая рост цен в условиях девальвации рубля? Как вариант. То есть если вы хотите действительно развивать внутренний рынок, если вы говорите, нет спроса на внутреннем рынке, сейчас была прекрасная возможность, но, как мы знаем, большинство металлургов очень сильно повысили цены, то есть рост цен шел на десятки процентов. Особенно, конечно, отличились, правда, цветмет (по меди там было до 60%, до 70% повышение цены для производителей кабеля), но тем не менее.

Кочубин. Кочубин Артем, факультет математики Высшей школы экономики. У меня такой вопрос. В первом выступлении прозвучали слова о том, что у нас в металлургической отрасли отрицательное сальдо торгового баланса, и это происходит за счет того, что нашим предприятиям требуется продукция с высокой добавленной стоимостью. А во втором выступлении было сказано, что у наших предприятий нет пока спроса на товары с высокой добавленной стоимостью. И вопрос: как эти две вещи согласуются, и надо ли создавать предприятия для производства товаров с высокой добавленной стоимостью в России или достаточно специализироваться на производстве проката и продавать его за рубеж, и это будет эффективнее? Спасибо.

Муж. Добрый вечер. Высшая школа экономики, департамент теоретической экономики. Скажите, пожалуйста, как вы думаете, конкретизируя вопрос о промышленной политике, что, собственно говоря, нам как стране и, может быть, каким-то конкретным

предприятиям делать с точки зрения инновационной политики? Что определяет сегодняшнюю инновационную политику для отрасли? Это угроза замещения какими-то другими товарами товаров, или конкуренция на международном рынке со стороны тех же китайцев, или что-то еще?

Кстати, по корпоративным университетам есть интересные примеры и у «Северстали», и у ряда других предприятий, то есть там есть наработки. Спасибо.

Кузнецов. Кузнецов Олег Евгеньевич. Первый вопрос к Михаилу Юрьевичу. Есть ли у «Евраз Холдинга» нерентабельные предприятия черной металлургии, и что «Евраз Холдинг» собирается с ними делать?

А второй вопрос к Игорю Анатольевичу (может быть, он повторит в чем-то предыдущий вопрос): правильно ли я понимаю, что промышленная политика государства по отношению к черной металлургии в каком-то смысле отражает интересы государства (должна отражать) в других областях, в других секторах? Ну, скажем, в обрабатывающей промышленности?

Кургин. Александр Кургин, Аналитический центр при Правительстве России. Вопрос отчасти в продолжение вопроса о росте цен. Одной из наиболее острых проблем последнего времени стало резкое удорожание цен на металл. И вопрос к докладчикам (в связи с изменением курса национальной валюты) такой: скажите, пожалуйста, в рамках проведения промышленной политики в целом в стране с точки зрения важности металла в качестве сырья для остальных отраслей может ли и должно ли государство предпринять какие-то меры, которые будут защищать потребителя металлургической продукции от подобных колебаний цен, в частности при естественном использовании металлургами экспортного паритета по ценообразованию? Спасибо.

Муж2. Институт экономики. У меня вопрос к Михаилу в связи с тем, что он тут несколько фраз употребил, которые нуждаются в разъяснении. Первое: вы сказали: а зачем нам инновации? Вот можете ли вы это разъяснить? Это первое.

А второе: вы хвалили разные предприятия, в частности «Мечел». Мы знаем, в каком положении экономическом находится «Мечел». Как это вяжется с вашим утверждением о том, какой он замечательный?

И последний вопрос. Сейчас как раз был, по-моему, заключен договор (это я в развитие предыдущего вопроса) между производителем металлопродукции и некоторыми потребителями. Как он действует на самом деле? И, с вашей точки зрения, эффективен ли он?

Буклемишев. Еще у меня есть вопрос. Я тоже воспользуюсь либерализмом Андрея Александровича и задам два вопроса. Один вопрос я задам Игорю Анатольевичу. Просто поясните, пожалуйста, как вы посчитали, что капиталоемкость ВВП у нас выросла? Мне кажется, что это с содержательной точки зрения не очень согласуется с тем, что мы видим.

А второй вопрос, даже не знаю к кому, он скорее такой – в воздух. То, что мы услышали, с моей точки зрения, то, о чем говорил Игорь Анатольевич, это были, скорее, меры вертикального свойства, вертикальной промышленной политики, а то, о чем говорил Михаил, это были меры абсолютно горизонтальные, которые в равной степени могут быть отнесены к металлургии, к химической промышленности, к чему бы то ни было еще. Вот я правильно вас понял или нет?

Яковлев. Хорошо. Я тогда тоже воспользуюсь правом ведущего. То, что я говорил в самом начале по поводу Китая, – отчасти были реакции. Хотя мне все равно хотелось бы, может, от Игоря Анатольевича услышать его комментарий: все-таки китайцы нам конкуренты или нет? И, соответственно, если конкуренты, то в чем, и, так сказать, насколько серьезно все это надо воспринимать?

Смежный сюжет тем не менее по Украине. Все-таки Украина, насколько я понимаю, для наших металлургов была конкурентом долгое время. С учетом всего, что там сейчас происходит, там явно идет спад производства, вот насколько, так сказать, на нас это

повлияло? В плюс, в минус, мы какие-то рынки в итоге смогли заместить? Это, может быть, вопрос уже к обоим выступающим.

Мы, видимо, сейчас пойдем в обратной последовательности. Мы традиционно меняемся: то есть если первым выступал Игорь Анатольевич, то сейчас тогда будет первым отвечать Михаил.

Макаров. Да, спасибо большое. Я, наверное, по порядку начну.

Первый вопрос был по поводу закрытия нерентабельных предприятий. Тут история на самом деле больше не про амортизацию, а про тот продукт, который предприятие выпускает, и про его востребованность. Нет в России примера, чтобы было такое, что продукт востребован и предприятие закрылось.

Хороший пример в этой связи – такое предприятие на Дальнем Востоке, как «Амурметалл». Что произошло? Произошло то, что в свое время в Советском Союзе было построено предприятие, которое находится как вдали от рынка потребления, потому что там нет такого строительства, как в центре России, нет машиностроения, так и вдали от сырьевой базы. И получается такая история: чтобы оно пыталось функционировать хоть как-то, ему приходится везти лом с Иркутской области, с Западной Сибири, с Восточной Сибири, то есть это все не близко; потом перерабатывать его на тех мощностях, которые есть, а потом обратно везти уже арматуру, потому что также на экспорт он неконкурентоспособен. Вот типичный пример той истории, когда такое предприятие. Что с ним делать? Если не закрывать, то нужно как-то его эффективно модернизировать и сокращать объемы, которые у него есть. Вот это – классический случай. И если посмотреть в России, есть Гурьевский завод у того же «Мечела», как я говорил, есть Златоуст, и есть очень много таких городов-призраков, у продукции которых, к сожалению, просто нет того спроса, который либо был, либо куда-то ушел, либо они просто стали настолько высокзатратные по сравнению с новыми заводами, которые сейчас есть, что просто они не в состоянии предложить ту цену, которая бы покрывала их затраты.

Экспорт продукции с высокой добавленной стоимостью – был вопрос, почему нецелесообразно? В России – я говорил по поводу конкурентных преимуществ, это наличие ресурсной базы, такой как уголь, руда, также мы экспортируем лом – в России есть одна ключевая проблема российской металлургии – это большая доля железнодорожной, транспортной составляющей в затратах. Если мы конкурируем с теми же китайцами, назовем так условно, в Юго-Восточной Азии, то мы на наши затраты сразу должны прибавлять 100 долларов. Это, в принципе, много с учетом того, что это составляет где-то порядка сейчас 25-30% от нашей себестоимости. Поэтому и продукция с высокой добавленной стоимостью, и продукция с низкой добавленной стоимостью сразу же, из-за того, что у нас большой железнодорожный тариф, становится менее конкурентоспособной. Я не говорю, что неконкурентной, а говорю, что менее конкурентной.

А что касается экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью в Европе, в Европе, к сожалению, помимо качества нужно конкурировать еще такими вещами, как время доставки и прочая – то есть это целая инженерная история, это сродни машиностроению. То есть ты не можешь ту продукцию, которая им нужна по тому прайсу, который есть, поставить, потому что, пока она из той же «Северстали» приедет на завод «БВМ», как я сказал, пройдет неделя, а им была нужна такая продукция вчера.

Следующий вопрос был по поводу винтиков-болтиков, что там происходит с ними. Это все приятные хлопоты, и, конечно, предприятия производят так называемые метизы. Хотя в последнее время, конечно, доля Китая растет в этом направлении. Но опять-таки, если мы посмотрим на ту долю в объемах – она ничтожно мала по сравнению со всей отечественной металлургией. То есть я говорю, что Российская Федерация производит порядка 60-70 миллионов тонн стали, на метизы приходится максимум полтора миллиона тонн. То есть ответ: да, мы делаем. Насколько это какая-то большая корова для зарабатывания денег – это большой-большой вопрос.

Обеспечение рабочими местами. Тут вопрос был такой: что делать металлургам? Потому что очень много я говорил про обязанности государства. А металлурги дают стабильность. Это такая обязанность, что человек завтра проснется, и у него будет рабочее место, причем не просто рабочее место, а безопасное рабочее место. В последнее время - об этом мало кто говорит, но это действительно так- приоритеты в области охраны труда и промышленной безопасности очень сильно выросли. То есть я бы сказал, что первоочередная задача, помимо всех прочих социальных элементов, которые есть (как мы все знаем, у нас половина предприятий – это моногорода), – это просто стабильное обеспечение той работой, которая сейчас есть.

Было очень много вопросов по поводу ценообразования. Тут история абсолютно понятная. Я как представитель от «Евраз» в различных госструктурах иногда хожу и в Федеральную антимонопольную службу, и в Министерство промышленности - наше профильное министерство; история с ценообразованием очень интересная. Она всегда идет сверху вниз, то есть сначала на себе рост цен чувствует «Газпром», потом идет к трубникам, трубники идут дальше по цепочке к производителям стали, дальше идет по цепочке к производителям руды, угля и так далее. Вся эта история говорит о том, что чем меньше будет такой регулируемости, тем лучше. Потому что если мы посмотрим обычную историю с автопроизводителями, что происходило на протяжении последних 10 лет? Машины не дешевели, а рынок стали падал в два раза. Причем металлурги никуда не приходили и ничего не жаловались. То есть это была отрасль, которая намного волатильнее, чем автопром. Тем не менее, как только прижимает автопроизводителей, они сразу идут и во все инстанции жалуются, что плохие металлурги решили увеличить цены.

По поводу же цен история тоже простая: мы – коммерческая организация. Я уже сказал, что наша ответственность – дать людям рабочие места завтра. Поэтому мы точно думаем про свои альтернативы, и, если мы произвели так называемый полуфабрикат, который мы можем продать на экспорт по цене, которая в долларах, мы думаем, что нам лучше: продать полуфабрикат на экспорт либо перекатать и продать арматуру на внутренний рынок. И если оказывается, что арматуру нам продать дешевле здесь, понятно, что мы лучше продадим полуфабрикат на экспорт и тем самым обеспечим наших рабочих занятостью. Вот и все. Поэтому, когда говорят, что есть экспортный паритет, мы на него смотрим, и мы точно не можем себе позволить работать в убыток, мы просто действуем абсолютно рационально.

Инновационная политика. А я не понимаю, что это такое. Смотрите, очень много у нас Дмитрий Анатольевич Медведев говорит про инновации, инвестиции. Что с металлургией? С одной стороны, у нас есть по последним технологиям производство, мы все можем произвести в России. Как я сказал, в принципе, все производства достаточно модернизированы. Заниматься инновациями ради инноваций – идея хорошая, но, как мы знаем, отрасль у нас черной металлургии достаточно консервативна. То есть ожидать, что там будет какой-то суперпрогресс, и мы изобретем такой металл, из которого потом будут производить айфоны, тоже не стоит. Поэтому мы, безусловно, над этим работаем, но какие-то прорывы? Если мы посмотрим на те объемы, которые нужны рынку, тех же спецсталей, они несравнимо малы с тем объемом производства, который мы сейчас имеем.

Следующий вопрос был по поводу, есть ли нерентабельные предприятия черной металлургии в «Евразе». Мы очень рационально и, в принципе, последовательно проводим политику того, что, во-первых, у нас есть так называемый стратегический цикл, который ежегодно дает нам анализ того, какие есть у нас красные точки в нашем портфеле активов – так называемые нерентабельные предприятия. Если мы понимаем, что это предприятие нерентабельно сейчас, и оно будет нерентабельно на протяжении ближайших 3-5 лет, то понятно, что мы либо его закрываем, либо продаем (скорее первое). И по опыту последних лет мы закрыли практически все и продали практически все предприятия в Кузбассе, занимающиеся производством энергетического угля, мы закрыли часть мощностей или опять-таки продали часть мощностей в Западной Сибири по производству железорудного

сырья. То же самое происходит в Америке: как вы все знаете, там закрыть предприятие не такая большая проблема, как в России, – все-таки там рыночная экономика эффективнее, а у нас это больше социальная история.

Поэтому, отвечая на ваш вопрос: да, они периодически бывают, такие предприятия. К сожалению, как я уже сказал, рынки очень волатильны и непредсказуемы, особенно в последнее время. Но главное тут не наличие или отсутствие этих предприятий, а то, что, когда мы их выявляем, мы над этим работаем и пытаемся от этих красных зон как-то избавиться. Опять-таки есть такой инструмент, как продажа либо закрытие, но, безусловно, есть такой инструмент, как модернизация производства. И в этом смысле сейчас хороший у нас пример, наверное, будет с Западносибирским металлургическим комбинатом, когда часть неэффективного производства после модернизации станет рентабельным, и мы, безусловно, не будем его ни закрывать, ни тем более продавать.

По ценообразованию я уже сказал, по поводу инноваций сказал.

По поводу моего любимого «Мечела» я вроде как-то не говорил, чтобы я ему так симпатизировал. С «Мечелом» история абсолютно понятная: люди сделали ряд, ряд – это, условно, десять неправильных инвестиций, одна из которых в том числе и строительство за собственные деньги, которые они взяли у банка, железной дороги. Дорого, неэффективно. И была очень агрессивная политика в плане слияний и поглощений, в том числе за рубежом. И в итоге все это привело к тому, что у предприятия образовался гигантский долг, который им даже не позволил покрывать проценты на обслуживание долга. Это как раз та история, когда, я бы сказал, непрофессиональное руководство приводит к большим проблемам. Это отдельный случай, это грустный случай, но такие случаи порой бывают. Притом если бы находились в той же Америке, безусловно, предприятие бы обанкротили, и там бы началась жизнь с чистого листа.

И маленькая ремарка по поводу китайских производителей. Есть миф, и я в этой аудитории пару раз слышал, что китайские производители являются низкокзатратными, и есть какая-то большая угроза их появления на российском рынке. На самом деле если мы посмотрим на структуру себестоимости китайского производителя, то ни по одному параметру она не превышает российскую. В Китае уже давно нет дешевой рабочей силы. Если мы посмотрим на сырье, из которого производят в Китае сталь, то преимущественно это сырье, завезенное либо из Бразилии, либо из Австралии. То есть это все импортный паритет. Опять-таки и энерготарифы сопоставимы. Поэтому с учетом транспортной логистики и того, что в России вообще нет больших мощностей по приему грузов, мы понимаем, что пока, слава богу, от китайского импорта в больших объемах мы защищены. Сопоставимо, например, с импортом из Украины.

Чем конкурируют металлурги? В нашем современном мире, в принципе, у всех качество, сервис и прочие подобные вещи, в принципе, сопоставимы. То есть нет такого, что у кого-то там суперарматура, а у кого-то она хуже. Понятно, что у всех одно и то же оборудование, которое производится на трех крупнейших мировых компаниях, поэтому ты можешь конкурировать, в конце концов, только ценой и, в принципе, себестоимостью. И если посмотреть, я уже повторяюсь, на китайскую себестоимость, она точно не ниже, чем в России.

Яковлев. Если не выше.

Макаров. Да. И поэтому такой большой угрозы нет- не говоря о том, что, конечно, российской металлургии сейчас помогает та девальвация рубля, которую мы видим.

Яковлев. Хорошо. Спасибо большое. Игорь Анатольевич.

Буданов. Вопросы совершенно разноплановые, но попробую их систематизировать в ответе, в целях прояснения общей картины.

Первый вопрос: платежеспособный спрос на металл и его влияние на металлургию. Я уже показывал на слайдах, как он стимулирует импорт и повышает эффективность посредников. Импорт мы оплачиваем? Оплачиваем. Никто нам просто так не дает ничего по импорту. Последствия стимулирования платежеспособного спроса могут быть и хуже.

Самый примитивный пример на слайде: это цена производителя и цена потребления водопроводных труб. Цена потребления – 45 тысяч рублей, цена производителя – 18 тысяч рублей. И эта ситуация возникла с 2004 года, когда государство начало реформу ЖКХ, – простимулировало спрос. До этого разница в ценах не превышала и 10%.

Если финансируем не подготовленные со стороны ресурсного обеспечения мероприятия, соответственно, эти мероприятия содержат отрицательный экономический результат.

Второй вопрос – административные барьеры. Когда говорят о тех или иных административных механизмах, большинство людей понимает только один механизм – государственный. На самом деле корпоративный механизм административен по определению: он работает по приказу. Что мы имеем, имея опять же в российской металлургии интегрированные компании, которые работают на основе административного механизма? Мы имеем огромнейшие барьеры входа. За 23 последних года только три раза цены потребления в России на металл были меньше, чем в мире. И это проявление именно административных барьеров со стороны бизнеса. Соответственно, снимать барьеры можно по-разному, и это задача государства.

Вопросы, связанные с промполитикой. Что конкретно под ней понимать? На эту тему написано множество работ, в том числе и мною. С моей точки зрения, это составная часть инвестиционной политики. Мы принимаем решение об инвестициях бизнеса, исходя из экономических критериев, и здесь я полностью согласен с Михаилом, когда он говорит: низкие переделы, мы – лучшие в мире. Абсолютно правильно. Однако есть и еще много направлений развития с неочевидными результатами, требующими времени на реализацию проектов. Не всегда можно ограничиваться экономическими критериями, можно ориентироваться на критерии перспективного спроса, который сейчас действительно отсутствует в стране. Но если мы предполагаем, что этот спрос будет, надо думать уже сейчас, как мы его будем удовлетворять. Не по импорту изделий из металла, как мы наблюдали по автомобилям отечественной сборки, а по всему спектру продукции, ориентированному на принципиально новые материалы. Это возможно только в рамках проведения промышленной политики, реализации инвестиционных проектов.

Соответственно, когда мы говорим о тех или иных инвестиционных проектах, вопрос бизнес-климата и прочие институциональные вещи значимы, если у вас есть 20 проектов, и из них 10 почему-то не реализуются, тогда действительно есть вопрос бизнес-климата. А если у вас ни одного проекта нет, и вы не знаете, где его взять, потому что в стране нет проектных организаций, которые могут сделать проект металлургического завода, хотя Россия была мировым лидером в 60-70-е годы и построила свыше 150 заводов за рубежом. И, соответственно, рассматривать промполитику надо как составную часть инвестиционной политики, направленной на развитие металлургии, в которой участвует государство и стимулирует к этим инвестициям компании, исходя из имеющихся инвестиционных ресурсов (научных заделов, проектов, оборудования).

Вопрос опять же промполитики более широкий: откуда брать проекты? Пока с привлечением инвестиционного потенциала из-за рубежа с параллельным созданием соответствующих компетенций в России. Если западные компании треть выпускаемого оборудования реализуют в России, почему наши люди для работы на нем должны ездить за рубеж на системы обучения? Что, сложно в Москве центр построить? Или что, компания откажется это делать? Или просто потому, что комфортно учиться там? В общем-то, вопросы-то элементарные, и ответы на них столь же элементарны и относятся именно к проведению промполитики. Центры обучения, создание собственных инженеринговых компаний, модульные решения, которые связаны со вторичной металлургией. Ну сколько можно – все города в мусоре тонут, и при этом мы не можем сделать нормальную ломозаготовительную отрасль, имея огромный положительный мировой опыт.

Вопрос о среднем ценовом сегменте металлопродукции. В общем-то, средний ценовой сегмент (метизы, изделия дальнейшего передела и т.п.) опять же это не только

вопрос металлургов. Надо вам гвозди, завтра же поставят автомат, и этот автомат будет выплевывать миллион штук в течение одного часа (по-моему, такая производительность). Вопрос-то: а как вы их реализуете? Здесь же барьер не на производителе, а на системе торговли. Как вы сможете обеспечить функционирование данной системы без партнеров?

Когда я говорил про сальдо внешней торговли, я говорил о сальдо системы оборота металла в целом, а не о финансовом результате отдельных предприятия. Это парадокс экономического механизма в России: когда все участники оборота металла высокоприбыльны, а система оборота металла разорительна для страны. Объяснить с точки зрения рыночного механизма элементарно: потому что все действуют по максимуму эффективности (прибыльности). Экспортируем высокорентабельное, продукцию начальных базовых переделов, своим продаем по максимально возможным ценам, затем закупаем за рубежом конечную продукцию из металла, более дешевую, чем у отечественных производителей. Когда мы смотрим суммарный результат, мы видим, что за этот суммарный результат платит или государство в рамках госпроектов, или население через завышенную стоимость товаров, и понятно, что это переплата вследствие существующего механизма.

Опять же подчеркну, здесь не все так просто, и данные дефекты системы достаточно сложно устранять, потому что это не только текущая деятельность, но это, прежде всего, инвестиционная деятельность, потому что вам надо проинвестировать создание соответствующих мощностей. И здесь мы сталкиваемся с проблемами именно инновационной деятельности в рамках промышленной политики.

Когда мы говорим об инновационной политике, принято говорить, что металлургия имеет самый низкий уровень инновационности: с точки зрения затрат на технологические инновации или затрат на науку по отношению к выпускаемой продукции. Да, металлурги выпускают высококачественную продукцию на современных агрегатах. (на примерах было показано) и при этом практически не тратятся на научные исследования. Просто эти инновации сидят в инвестициях – это инновации, которые были сделаны за рубежом и аккумулированы в стоимость оборудования. Посчитайте, сколько надо было производителям этого оборудования провести научных исследований, для того чтобы придумать эти технологии, создать мощности. И здесь мы действительно сталкиваемся с материализованным эффектом от инноваций, выходящих за локальную систему отраслевых оценок.

Вопрос промполитики государства и взаимосвязи в ее рамках металлургии с другими отраслями. Невозможно требовать от металлургов, чтобы они проводили промполитику, если они не обладают соответствующими компетенциями. В рамках промполитики в металлургии следует четко понимать разницу в ресурсах развития и ресурсах эксплуатации производственного аппарата – это принципиально разные ресурсы. Нельзя требовать от металлургов, чтобы они умели строить доменные печи, они должны уметь работать на доменных печах. А строить доменные печи должны строители, прокатные станы должны делать соответствующие машиностроительные заводы.

Почему вопрос межотраслевой координации становится очень острым. На глобальном рынке наблюдается переход от ценовой к стратегической конкуренции, то есть к преимуществам, обеспечиваемым качественными характеристиками металлопродукции. В обозримой перспективе результат развития металлургии будет определяться не тем, насколько дешево мы сможем произвести металл, а насколько качественно. При этом качество зависит не от того, насколько искусно умеем производить тот или иной металл, а насколько мы искусно сможем производить оборудование для производства металла. Это наблюдается во многих традиционных отраслях. В лесной промышленности, в цементной промышленности направления развития определяют не компании по выпуску определенного продукта, а по разработке технологий и оборудования для выпуска данного продукта. Процесс производства упрощается и, как Макдональдс и БигМак убили огромное количество ресторанов, так и в металлургии возможны изменения. Не хотелось бы, чтобы

новые автоматизированные системы, аддитивные технологии и прочие убили бы российскую металлургию. Здесь действительно проблема этих инновационных заделов и совмещения этих инновационных заделов с компетенциями сопряженных с металлургией отраслей.

Вопрос цен на металл, защита экспортного паритета. Государство проводит политику, в том числе с помощью Антимонопольного комитета. При этом создается впечатление, что защищают больше производителя, чем потребителя. Меры по защите внутреннего потребителя многочисленны, но нет ясности, от кого и как защититься. Почему не использовать известные простые решения? Почему бы пошлины-то не ввести? Почему при экспорте металла не установить механизм, который установлен в отношении нефти? Чем мы, металлурги, особенные? Если у Минфина есть проблема с бюджетом, вы возьмите, отмените возврат НДС по экспорту металла (как это сделали в Китае), пополните бюджет. Одно действие. Нет, мы будем изобретать что угодно, кроме простейших решений.

Соответственно, когда мы говорим о показателях металлоемкости ВВП. Многое зависит от точки отсчета. График от изначальной точки 1995 года, то есть тогда у нас потребление внутреннее металла было 17 миллионов тонн (в 1998 было только 15 млн.т), с того момента у нас потребление металла выросло до 43, и прибавился к этому еще косвенный импорт изделий и продукции из металла в объеме 13-15 млн.т. Считайте, 4-кратное увеличение. Как у вас увеличился ВВП с 1995 года?

Яковлев. А как это коррелируется с производством?

Буданов. Потребление металла в стране совокупное, оно увеличилось в 4 раза не только за счет готового проката. Потребление металла росло за счет импорта машиностроительной продукции и изделий из металла.

Яковлев. То есть, грубо говоря, экспорт в этой ситуации сокращался?

Буданов. Экспорт металла в 2000-е годы в абсолютном выражении у нас сокращался. То, что мы уступаем позиции на мировом рынке, это еще один показатель существующего механизма развития. Мы уступаем и по качественным параметрам (средней цене экспорта), мы просто абсолютно сокращаем свое присутствие на мировом рынке (в тоннах).

Несколько моментов, связанных с вопросами о мировом рынке, Китае, Украине. Я абсолютно согласен с Михаилом, что Китай нам не конкурент, у нас издержки ниже, чем у Китая. Они работают на импортной руде и на собственной добыче руды с относительно низким содержанием железа (24-25%). В России ресурсы собственные и разрабатываются месторождения с достаточно высоким содержанием железа (около 32%), и, это значимое конкурентное преимущество.

Другой момент. Китайские компании совершенно случайно вышли на мировые рынки - из-за текущего перепроизводства. У Китая была базовая позиция: мы не будем поддерживать дешевыми ресурсами конкурентов, мы будем сразу идти в машиностроение. И действительно, Китай сейчас является крупнейшим в мире экспортером машиностроительной продукции. Соответственно, выходить с металлом для того, чтобы из этого металла кто-то делал машиностроительную продукцию - не в интересах Китая. От этого и программы сокращения мощностей: пусть они у них проваливаются, они проваливаются уже в течение последних семи лет, но рано или поздно, во что я охотно верю, 100 миллионов тонн металла они уберут с рынка, закроют как неэффективные

Яковлев. Хорошо. Коллеги, спасибо большое. У нас остается еще 20 минут. Соответственно, у меня просьба какая: поднимите руки те, кто хотел бы принять участие в дискуссии, высказаться. Три. Ну, замечательно. Тогда начнем с этого конца в этот раз.

Бродский(?). Мне все было понятно. Я солидарен со всем, что говорил господин Макаров, кроме оценки китайских рынков. Но все, что говорил господин Буданов, меня просто удивило. Такое впечатление, что я перенесся в 40 лет назад, когда я участвовал во всяких обсуждениях плановой экономики. Начиная с того, что вы очень странно трактуете термин «промышленная политика». Посмотрите в Интернете, как определяется:

совокупность мер государства. Компания не может делать то, что называется термином «промышленная политика». У вас своя собственная трактовка, и это очень затрудняет понимание. То же самое, когда вы используете термин «металлургия», надо было уточнить, потому что то, что мы раньше называли Министерством черной металлургии, и то, что сегодня у нас этим термином, это немножко иначе. Ну, предположим, «Мечел» сегодня в металлургическом дивизионе не держит коксохимические предприятия, которые раньше были. То есть термин «металлургия» сегодня надо было уточнить в условиях рыночной экономики.

Странно мне то, что вы говорили о ваших рекомендациях - почему не покупали металл для олимпиады. Ну, наверное, те, кто заказывал, выяснили, что могут сделать наши заводы, но надо денежки, чтобы это выпускать, и время. По крайней мере, я занимался таким проектом, как переработка угля в жидкое топливо, я знаю, что у нас много идей, но ни у кого за душой нет таких проработок, как у китайцев. А, скажем, французы от идеи до завода шли 50 лет. А мы сколько будем идти? Почему быстрее? Поэтому, когда вы говорите о том, почему у нас покупают за рубежом... Почему «Мечел» купил итальянское оборудование для производства 100-метровых сталей? Потому что у нас такого оборудования нет. Потому что, если у нас это раскручивать, то это время, это деньги. Кто это будет делать в рыночной экономике?

Но совсем меня смущает ваш тезис, что у вас нет претензий к компаниям, а есть претензии к государству. Я помню, когда я был молодой, мне было понятно, что у государства есть интересы, плановые задания по объему добыч чугуна, стали, угля, и это были интересы государства. Сегодня у нас нет таких показателей, поэтому, когда вы говорите про интересы государства, – надо было бы уточнить, о чем речь. Насколько я понимаю, сегодня интересы государства в другой области – это защита социальная, здравоохранение, образование, но не производство стали и металла.

В общем, меня очень огорчило то, что вы говорили. Как же так: развитие металлургии определяется не металлургами. А кем, как не металлургами? Металлурги сегодня определяют, что покупать, что делать, анализируют рынок, но совсем не государство. Да, государство в плановой экономике занималось исключительно размещением, как это называлось, производительных сил. Но сегодня оно этим не занимается, по крайней мере в металлургии.

Вот мои впечатления. Еще раз повторяюсь, с господином Макаровым я согласен, а вот с господином Будановым-нет. Я понимаю, название института обязывает. Спасибо за внимание.

Эберенц. Добрый вечер, меня зовут Алексей Эберенц, я коллега Михаила Макарова. У меня вопрос тоже к Игорю Анатольевичу.

Правильно ли я понял, что промышленная политика, о которой вы говорили, в вашей интерпретации сводится к нескольким вещам? И, видимо, это должно, я не понял, делать либо государство, либо металлурги, но, так или иначе, это долгосрочное планирование инвестиций, и это 10, 20, 30 лет? И это некоторое предоставление ресурсов, правильно? А, по-вашему, это роль государства или металлургов – именно вот 10, 20, 30 лет, планирование долгосрочное?

Буданов. Государства, конечно.

Эберенц. Государства. А тогда и деньги тоже на это должно предоставлять государство?

Буданов. Обязательно.

Эберенц. А тогда в чем действительно различие от госплана? К сожалению или к счастью, я в Советском Союзе не жил, а только родился. Потому что в моем понимании это и есть госплан, когда государство планирует инвестиции и их же осуществляет, это и есть некоторое государственное планирование экономики.

Яковлев. Хорошо. Все-таки мы сейчас не будем на это отвечать. У нас в конце будет время.

Эберенц. Это первое. Второе. То, что я понял в вашей промышленной политике, – это то, что нужно стимулировать производство металлоемких отраслей. Вы говорили про баланс, насколько я вас понял, почему он у нас отрицательный? Потому что мы экспортируем, соответственно, полуфабрикаты и обратно импортируем оборудование, поэтому получается, что мы как бы деньги на этом теряем. Правильно ли я понимаю, что вы говорите, что металлурги должны идти в дальнейшую вертикальную интеграцию, и они же должны учиться производить оборудование и стимулировать металлоемкие отрасли? И если это так, то не кажется ли вам, что это вступает в противоречие с мировой практикой? Все-таки мы говорим о том, что компании должны специализироваться на своей деятельности, а строить оборудование должна уже независимая компания, которая, соответственно, умеет делать это лучше других, не так ли?

И третье. Правильно ли я вас понял, когда вы сказали, что первично предложение, а спрос вторичен? Я так вас услышал: постройте станы, постройте мощности по производству таких продуктов с высокой добавленной стоимостью, а спрос к вам подтянется. Может быть, потом вы прокомментируете эти мои понимания основных тезисов.

Яковлев. Хорошо, спасибо. Ваш сейчас комментарий. Я потом тоже чуть-чуть от себя добавлю, после четвертого комментария.

Норкин. Большое спасибо, очень интересно было слышать. И, в общем, единственный у меня вопрос: а кто привяжет колокольчик на шею кошке? То есть это все реализовать очень и очень трудно.

Но что я хотел бы подчеркнуть? Одну очень важную вещь. Металлургия работает в стране, где основные доходы получают за счет проедания национальных ресурсов (это меня еще Дмитрий Семенович научил) и экономии амортизационных отчислений. В стране, где может сгореть ИНИОН, как говорится, работает металлургия. Ну, вы не смейтесь. Это же симптоматически. Таких ИНИОНов у нас... и износ производственных фондов, жилых фондов и так далее и так далее.

Что нужно сделать? На самом деле до тех пор, пока у нас основные доходы будут получать люди, которые присваивают скрытую часть ресурсной ренты и проедают вот эти амортизационные отчисления, ничего не получится. И как говорится, действительно, для того чтобы участвовать в этом процессе, нужно принимать участие в коррупционных схемах. Так сказать, кое-где еще порой встречаются люди, которым это не нравится, они не хотели бы, но вот таких людей все меньше и меньше, к сожалению, становится, и будет разведено до тех пор, пока мы это дело не пресечем. Это у нас было: одно время страной управлял недоучившийся студент Тбилисской духовной семинарии. Его спросили: что нужно делать, чтобы страна процветала? Он ответил однозначно, что нужно, чтобы люди работали. Вы правильно сказали, что они должны производить не лесоповал, а, как говорится, высокую добавленную стоимость, но, тем не менее, пока люди не будут зарабатывать деньги на том, что заставляют людей работать, ничего не будет. А все идеи очень хорошие, и надо их применять.

Я участвую в одном центре, созданном нелюбимым вашим Якуниным, – Центр антикризисного управления. И у меня в блоге – есть блог Кемера Норкина на сайте «Политическое образование» (очень легко найти) – там это все написано, и у меня в книжке есть про коррупцию (я сейчас ее вам подарю). Так вот нужно объявить новый курс, который состоит в переходе от экономики, в которой люди работают на проедание национальных ресурсов, к экономике производства высокой добавленной стоимости. Это сделать можно только экономическими методами в свободной стране.

В свое время мне рассказали такой анекдот: был конкурс как бы в России: как поймать льва в пустыне? И конкурс выиграл деканат Московского института стали, где я учился. Какое предложение у них было? Давайте лишим льва стипендии, и он сам придет в деканат. Вот так и надо сделать и в этом вопросе.

Яковлев. Хорошо, спасибо большое. Тогда я от себя тоже пару слов добавлю. Я не специалист по металлургии совсем, но до некоторой степени считал себя специалистом по промышленной политике. Так вот, Олег уже сделал ремарку о том, что у нас справа представитель или, так сказать, сторонник горизонтальной промышленной политики, а слева – вертикальной.

Но я хочу сказать, что на самом деле и то и другое – это до некоторой степени прошлое. И есть сейчас концепция под названием «новая промышленная политика», которую активно развивает господин Родрик, Хаусман и ряд других товарищей, которая, с одной стороны, показывала, что исторически в разных странах, которые пытались кого-то догонять, вертикальная промышленная политика имела прецеденты успеха (вот в странах а-ля Южная Корея), но, к сожалению, на подобные прецеденты успеха приходились десятки провалов, и провалы были гораздо более типичны.

То, что касалось горизонтальной промышленной политики – об этом говорил Всемирный банк последние лет 15, 20, 25, и она приводит ровно к тому, что мы сейчас наблюдаем. То есть действительно выгодно производить простые продукты, их активно продавать на мировом рынке и на этом расслабляться, поскольку все более сложное упирается в провалы координации. То, что мы здесь сегодня слышали, в моем понимании – все истории, связанные с продукцией высоких переделов, отсутствием спроса на них, отсутствием на них денег и всего остального, – это ровно про это.

Если говорить про государство, то в моем понимании дело совершенно не в том, чтобы государство давало деньги на что-то, и чтобы оно проекты планировало, и создавало ГипроНИИ чего-нибудь. А государство, если оно умное и смотрит на перспективу, должно выступать инициатором некоей координации и взаимодействия между ключевыми участниками. Оно должно сажать за стол переговоров, вот в том же Минпроме, людей из металлургии, из машиностроения, из той же стройки, из той же «РЖД» и находить некие варианты компромиссов. Опять же это сложный процесс, безусловно сложный, для этого нужны компетенции, для этого нужно понимание, так сказать, к чему мы двигаемся.

Буклемишев. Воля.

Яковлев. Воля определенно нужна. И некая способность к переговорам. У нас с этим действительно тяжело. И я говорю – со своей стороны – уже не про промполитику. У нас, вообще говоря, потерялось видение будущего. Оно какое-то, плюс-минус, было лет семь этак назад, до кризиса 2008-2009 года, а сейчас оно исчезло вообще, и мы плывем куда плывем. В этой ситуации то, что называется промполитикой в этой области, формулируется по запросам компаний, – это правда, – а будущее тогда и будет формулироваться сугубо в терминах горизонтальной политики. Наверное, я на этом остановлюсь, чтобы не злоупотреблять временем.

Вы хотите сказать еще что-то? Хорошо, последний комментарий.

Муж. В развитие того, что только что было сказано двумя предшествующими докладчиками. Есть очень хороший пример, который наилучшим образом, насколько мне известно, описан в книге «Японская промышленная система» одного американского автора по поводу Японии – фактически послевоенная, но еще война не закончилась. Что они сделали? Они сделали колоссальную вещь: они собрали группу экспертов, разных – там были и представители из госаппарата существовавшего, и представители компаний, – и они стали думать о том, что будет делать Япония после войны сразу, для того чтобы восстановиться, и так, чтобы выходить на какие-то перспективы через 50, через 100 лет. То есть планирование было сразу заложено. Хотя очень сложно сказать, это было государственное планирование? – может быть – или это было частное планирование? – тоже может быть. То есть был прекрасный симбиоз. Благодаря этому японцы имеют то, что они сегодня имеют. Спасибо.

Яковлев. Хорошо, коллеги, большое спасибо. Я думаю, что мы как раз укладываемся в отведенное время, и у нас есть сейчас по три минуты для выступавших сделать какие-то финальные ремарки, отреагировать на комментарии.

Буданов. Спасибо всем выступающим. К сожалению, была сделана ошибка, так как вначале я не объяснил, что такое металлургия. Как говорится, упустил.

Возьмет классификатор продукции ОКВЭД, введенный в нашей стране с 2004 года, смотрим: производство атомных реакторов – это металлургия или нет? Металлургия. Производство шпак, сабель, паровых котлов, я уже про гвозди, отливки, металлоконструкции и прочее не говорю, – это тоже металлургия, и это то, что является металлургией по всех развитых странах мира. Это несколько отлично от бытового или прежнего министерского понимания металлургии в России. Например, добыча руды, ее обогащение, производство кокса, – это к металлургии уже не относится. И, в общем-то, понятно, что нам от нашей еще советской металлургии надо переходить к нормальной металлургии, где действительно добавленная стоимость формируется в конечных переделах. Это по поводу того, что есть металлургия в современном понимании. О том, что даже у государства нет такого понимания, говорит стратегия, где просто взято базовое производство, даже выпуск готовых изделий из металлов выкинут из отраслевой программы, потому что не знают, что с этим делать.

Вторая вещь, тоже достаточно важная, – госплан. Госплан – это плохо или хорошо?

Норкин. Ну как? План Маршалла?

Буданов. План Маршалла, госплан есть в том или ином виде во всех странах мира. В Японии, в Южной Корее, показал свою эффективность, в Китае до сих пор существует – ничего, не мешает экономическому развитию. Необходим инструмент, который позволяет переходить от догоняющего к опережающему развитию. Инструмент, который, способен проводить промышленную политику. Но проблема-то в чем? Что этот институт еще надо создавать, и, соответственно, создание этого института (и опыт Австралии, и опыт Канады, опыт Великобритании) – очень трудное занятие, то есть особенно с предъявлением новых компетенций.

К высказыванию Эберенца. Действительно, вопрос был о спросе и предложении, что первично, курица или яйцо? Практика показывает, что спрос формируется предложением, особенно в части качества конструкционных материалов. Вот появляются новые материалы, и появляется новая продукция, металлургия исторически создавала предпосылки для развития новых сфер человеческой деятельности. Появился железобетон – пошли многоэтажки, появились металлоконструкции – вы видите, современные здания, можно вспомнить полупроводники. И так далее. Подчеркну, что материалы постоянно совершенствуются. Вспомнили про три стана-5000 – действительно, в таком количестве они не нужны, но без них не было бы и отечественного производства труб большого диаметра, и создали – и пошло судостроение. Риторическим представляется вопрос о промышленной политике компаний, она проводится всеми мировыми лидерами не только в сфере мобильных устройств, но и в металлургии.

Яковлев. Хорошо. Пожалуйста дальше.

Макаров. Сказать, что у меня нет слов... Я в первую очередь хотел бы поблагодарить моего оппонента, Игоря Анатольевича. Я, если честно, очень удивлен вообще наличием такого мышления и такой точки зрения, она настолько необычна для меня, я даже не думал, что такое может быть в современном мире. Спасибо вам большое. И, наверное, присутствующих поблагодарить за интересные вопросы и организаторов за возможность сегодня высказаться. Спасибо большое.

Яковлев. Спасибо вам.

Буклемишев. Давайте тоже поблагодарим всех участников...

Яковлев. В первую очередь докладчиков....

Буклемишев. ...и поаплодируем нашим сегодняшним * докладчиком.
(Аплодисменты.)

Мне было очень интересно. Я, вообще говоря, посмотрел историю наших диспутов, а сегодня у нас 96-й диспут, – это на самом деле едва ли не первая дискуссия по конкретно

экономике. Единственное, что у нас встречалось, – это была энергетика где-то там, очень косвенно.

Яковлев. Ну, еще были аграрии.

Буклемишев. Аграрные – тоже косвенно, с темой ВТО связанное. А экономика – это не цифры и не большие конструкции, это такие вот отрасли, каждая из которых - это отдельная интересная история, которую мы не знаем на самом деле. И за то, что наши сегодняшние участники нас просветили хотя бы чуть-чуть по этой самой отрасли, большое им спасибо. Я думаю, что мы эту тему будем продолжать, я имею в виду отраслевую тему – тему различных отраслей российской экономики. А металлургия все-таки второй экспортер у нас, второй поставщик экспортных доходов, и в бюджет в том числе, поэтому спасибо всем. 21 мая увидимся снова.

Реплика. Тема какая?

Яковлев. Выясним в процессе, пока еще не знаем. Напишем.